

Р. Ю. Данилевский

АВТОГРАФЫ И. Г. ГЕРДЕРА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Рукописное наследие Иоганна Готтфрида Гердера (1744—1803), выдающегося немецкого философа-просветителя, историка, поэта, переводчика и исследователя фольклора разных народов, сосредоточено ныне в двух центрах — в Немецкой государственной библиотеке в Берлине (ГДР) и в Архиве Гете и Шиллера в Веймаре. Некоторые рукописи Гердера находятся также и в Советском Союзе: в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР в Риге, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР хранятся два небольших гердеровских автографа, текст которых впервые публикуется ниже.

Один из этих рукописных фрагментов входит в собрание автографов, принадлежавших княгине Зинаиде Ивановне Юсуповой-Шове, великосветской даме николаевского времени. Возможно, он был приобретен ее первым мужем Б. Н. Юсуповым, путешествовавшим по Европе в 1820-х годах. Автограф носит следы обработки, сделанной с тем, чтобы превратить его в дорогостоящий раритет. Листок вырезан из более крупной рукописи (на верхнем обрезе его видны нижние края букв предшествующего текста) и «украшен» на левом поле оттиском печатки с профилем Гердера.

Автограф представляет собой черновой вариант одной из строф четвертой части поэмы Гердера «Руины» (1793—1794). В этот период Гердер увлекся немецким поэтом эпохи Тридцатилетней войны Якобом Балде (1604—1668), писавшим по-латыни. Демократические настроения этого «немецкого Горация», как назвал его Гердер, сочувствие страданиям соотечественников, обличение «лживых вельмож» были созвучны настроениям самого Гердера.

¹ См. публикацию Ю. Д. Левина в кн.: Непзданные письма пострапных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний Под ред. акад. М. П. Алексева. М.—Л., 1960, с. 206—217. См. также: Guluga A., Doroschenko W. Unbekannte Briefe Karoline und Johann Gottfried Herders. — In: Goethe-Jahrbuch. Bd 93 Weimar, 1976, S. 206—220

Взаимоотношения между Гердером и герцогом Веймарским, у которого он служил, ухудшились. Гердер не мог одобрить участие герцогства в контрреволюционном походе против Французской республики.

Поэма «Руины» была переработкой стихотворения Я. Бальде «De vanitate mundi». Разрабатывая тему «суетности» мира, Бальде имел в виду вполне конкретные картины национального бедствия Германии. Гердер увидел в поэзии Я. Бальде протест против разорительных захватнических войн, защиту мирного труженика. «Многие оды его, — писал Гердер в предисловии к переводам из Бальде, — отличаются такой свежестью красок, как будто они написаны в новейшие времена».² Современное звучание гердеровских переложений отмечали и их первые читатели, например Ф. Шиллер.

Окончательная редакция поэмы «Руины», в том числе и окончательный вариант публикуемой строфы, была помещена в третьей части сборника переводов Гердера, озаглавленного «Терпсихора» (1795—1796).³

Строфа содержит краткую притчу о последнем короле вандалов Гелимере, предлагаемую в качестве сюжета для исполнения придворной певице, увеселяющей обычно знатную публику любовными ариями (перечеркнутые автором слова и наши конъектуры взяты в угловые скобки):

Von Gelimer also:

Philomele — — des Hofes, hör', hör' ein Lied an
 <bleibt die Vecho (?)>

König Gelimer, ein <bleibt> Wandalen König,
Und ein stolzer Wandal; vom Glück verlassen,
<Ga> <Spielt> ein trauriges<er> und <prächtiges> Schauspiel
<Von selbst> <den> allen Höflingen zu Constantinopel.
Ueberwunden u<nd> im Triumph geführt,
<Und vom Purpur> Rief er: *Alles ist eitel, eitel, eitel!*
Gab den Purpur dahin und ward ein Landmann.⁴

(Ф. 347, № 9793)

Второй хранящийся в Пушкинском Доме автограф Гердера также представляет несомненный интерес. Ранее эта небольшая запись считалась отрывком неизвестного драматического произведения; ныне можно утверждать, что перед нами действительно неизвестный текст Гердера, но не отрывок, а вполне законченный и почти отделанный текст сатирического стихотворения, не вошедшего, насколько известно, в издания гердеровских сочинений.

² См.: Herders Sämtliche Werke, hrsg. von B. Suphan, Bd 27. Berlin, 1881, S. 4.

³ Там же, с. 295.

⁴ Перевод: «Итак, о Гелимере: / Придворная Филомела, послушай, послушай песню. / Король Гелимер, король вандалов, / Гордый вандал, покинутый счастьем, / Сыграл печальный и поучительный спектакль / Перед всеми придворными в Константинополе. / Победенный и ведомый в триумфальном шествии, / Он вскричал: «Все суета, суета, суета!». / Сбросил пурпур и сделался земледельцем».

Прежде чем перейти к характеристике самого стихотворения, попытаемся приблизительно восстановить его судьбу.

Автограф Гердера принадлежал прежде известному собирателю редчайших материалов по истории русской литературы Александру Федоровичу Онегину-Отто (1845—1925), чьи коллекции вошли как одна из основных частей в рукописное собрание и литературный музей Пушкинского Дома. К Онегину автограф почти наверное попал от Павла Васильевича Жуковского, сына поэта. Павел Жуковский был дружен с Онегиным и подарил в созданный этим энтузиастом в Париже «Пушкинский музей» хранившийся у него архив отца.⁵ Появление фрагмента гердеровской рукописи среди бумаг В. А. Жуковского неудивительно: поэт был, как известно, знаком с Гете и многими другими людьми, близко знавшими Гердера.

Содержание стихотворения связано, как можно предположить, с работой Гердера над историей библии. Развивая свои идеи о национальных истоках народной поэзии, об исторической изменчивости нравственных и эстетических представлений, Гердер видел в библии не «божественное откровение», а результат поэтического творчества древних евреев, народную «героическую поэму», как он выразился в своем труде «Древнейший памятник человеческого рода» (1774).⁶ Библия представлялась ему стройным зданием, «великолепным восточным храмом», созданным хотя и не без участия небес (религиозность Гердера вне сомнений), но конкретным народом и в конкретную эпоху.⁷ Поэтому он считал в равной степени ошибочными как церковное, догматическое истолкование «каждой буквы» библии,⁸ так и критику библейских рассказов с точки зрения просветительского (прежде всего французского) рационализма.⁹ Именно «атеиста» и «теолога» заставил Гердер в своем стихотворении произносить одинаково нелепые фразы, свидетельствующие о непонимании красоты того «здания», о котором они судят вместе с двумя другими персонажами — «архитектором» и «принцем»:

Architekt

Welch schöner Bau wie rein ruht er auf edlen Seulen.

Prinz

Im Ganzen ist es recht poetisch in den Theilen.

⁵ См. об этом: Плетнев А. Памяти П. В. Жуковского. — Санкт-петербургские ведомости, 1912, № 194, 28 августа. См. также: Выставка собрания А. Ф. Онегина. Февраль 1930 г. Л., 1930.

⁶ Herders Sämtliche Werke, hrsg. von B. Suphan, Bd 7. Berlin, 1884, S. 133.

⁷ Там же, с. 4; см. также: т. 6, 1883, с. 4, 320, 322. Сравнение библии со зданием, которое строилось постепенно, людьми разных эпох, дано также в «Письмах об изучении теологии» (там же, т. 11, 1879, с. 10—11).

⁸ Herders Sämtliche Werke..., Bd 6, S. 36.

⁹ Гердер при этом упоминает Вольтера (Herders Sämtliche Werke..., Bd 6, S. 284).

Atheist

Die Finger krüm' ich oft recht grimmig in der Tasche
Ob ich mein Metzger Schwert, mein Schicksalsbeil erhasche.
Von jeder Scen' möcht' ich <die> <einen> Fetzen haken.

Theolog

Dies hitt' ich aber doch recht sorgsam einzupaken.¹⁰

(Ф. 217, № 28670)

Примечательно, что «принц» произносит совершенно пустую и грамматически бессмысленную реплику, в которую Гердер вложил, должно быть, все свое презрение к властительным дилетантам, изображавшим из себя покровителей искусств и наук едва ли не в каждой из бесчисленных мелких немецких монархий. С подобными «принцами» Гердер смог близко познакомиться во время скитаний в 1770-х годах. В сущности немногим отличался от остальных и герцог Карл Август Саксен-Веймарский, пригласивший Гердера по совету Гете в Веймар в 1776 г.

Точка зрения автора выражена, как явствует из всего сказанного, в словах «архитектора», передающих как бы объективное, «высшее» мнение.

В стихотворении Гердера библия нигде не названа. Однако, имея в виду его интенсивные занятия ею, особенно во время пребывания в Бюккебурге (1771—1776), и его резкую полемику в эти годы с современными истолкователями библейских эпизодов,¹¹ можно отнести стихотворение к бюккебургскому периоду деятельности Гердера. В середине семидесятых годов Гердер помещал в журналах сатирические стихотворения и эпиграммы, так называемые «шпрухи», образовавшие цикл «Картинная галерея». Эти стихотворения, написанные отчасти именно в той форме «разговоров», какую мы встретили в публикуемом стихотворении, оказали влияние на сатирическую поэзию позднейшего времени, в том числе и на произведения Гете и Шиллера. Для «Картинной галереи» мог предназначаться и публикуемый «разговор». Форма этой маленькой сатиры в известном смысле типична для немецкой поэзии Просвещения, содержание же очень характерно прежде всего для Гердера, для его исторического подхода к явлениям искусства.

¹⁰ Перевод: «Архитектор. Какое прекрасное здание, как безупречно покоится оно на благородных колоннах! / Принц. В целом оно весьма поэтично в деталях. / Атеист. Пальцы мои то и дело с большим гневом шарят в кармане, / Ищут мой мясницкий нож, мой роковой топор. / От каждой сцены хотелось бы мне отсечь кусок. / Теолог. Но прошу вас, упакуйте каждый из них как можно бережнее».

¹¹ Критика философов-рационалистов, которые, так же как и богословы, превратно, по его мнению, объясняют сюжеты библии, содержится в письме Гердера к И. К. Лафатеру 1772 г. (см.: Herders Briefe, ausgewählt, eingeleitet und erläutert von W. Dobbek. Weimar, 1959, S. 134).